

Глава 1

БОГАТЫЕ ТОЖЕ ЧИТАЮТ. ТРУП НОМЕР ОДИН

Вячеслав Аленочкин был просто-таки воплощением жизненного успеха — высокий, широкоплечий, модно и со вкусом одетый молодой мужчина с приятным загорелым лицом и обаятельной улыбкой. Дорогой костюм, дорогие туфли, очень дорогие часы. Не хватало только инкрустированной бриллиантами таблички с победным лозунгом «Жизнь удалась!».

В настоящий момент все это великолепие, только что покинувшее эксклюзивный салон своего роскошного авто, неспешно двигалось пешком по Моховой в сторону Воздвиженки, принимая как дань восхищенно-тоскливые женские и недоброзавистливые мужские взгляды.

Однако вопреки предположениям, которые могли строить на его счет многочисленные прохожие, направлялся Аленочкин не в шикарный офис, не в салон, торгующий лимузинами, и не в пафосный ресторан. И женщины, готовые по первому сигналу составить счастье этому фантастическому парню, и мужчины, желающие набить ему морду или как минимум наступить грязным ботинком на его безукоризненные туфли, сильно бы удивились, узнав, куда идет прекрасный незнакомец.

А шел Вячеслав Аленочкин в библиотеку. В Российскую государственную библиотеку, она же — Ленинка.

Слава Аленочкин не был здесь очень давно. Когда он был студентом геофака МГУ, то довольно часто пользовался услугами библиотеки, но последний раз входил в подъезд монументального здания, к созданию которого приложили руку известные архитекторы и скульпторы, на пятом курсе. Ему тогда потребовались дополнительные материалы для дипломной работы, а где было взять редкие, даже уникальные издания, на использовании которых настаивал дипломный руководитель, как не в Ленинке?

Поднявшись по стертым многими поколениями читателей ступенькам, Аленочкин оказался на знаменитой, неровно выложенной серыми плитками площадке. Вячеслав застал время, когда на этой площадке назначались романтические свидания, а на ступеньках люди с интеллигентными лицами делились информацией обо всем на свете, философствовали непризнанные гении и задумчиво размышляли о чем-то ученые, бьющиеся над загадкой неведомых тайн. Здесь устраивали коллективные экспресс-перекуры перед тем, как с головой погрузиться в океан знаний.

В настоящий же момент самые нижние ступени оккупировали бомжи и профессиональные нищие, отдыхающие перед плановым нашествием на богатый и щедрый к ним Новый Арбат. Выше, с неизменными пивными бутылками в руках, сидели и лежали неряшливые молодые люди, которых можно было заподозрить в чем угодно, только не в знакомстве с алфавитом.

Вячеслав не был человеком сентиментальным, ностальгия его не мучила, и жизнь он принимал такой, какой она была в настоящий момент, во всем

ее многообразии. Однако увиденное его не порадовало, к тому же на ступеньках царила атмосфера вялой агрессии. Аленочкин почувствовал себя павлином, случайно приземлившимся на картофельное поле, где хозяйничает стая ворон.

Брезгливо поморщившись, он продолжил свой путь, перешагнув через чьи-то тощие волосатые ноги. Но прежде чем приступить к делам, Вячеслав решил уделить несколько минут памятнику, которого в годы его студенческой юности здесь не было. Раньше как-то случай не представлялся — пролетал мимо на машине, что там можно рассмотреть?

Памятник Аленочкина повеселил — с одного бока он удивительным образом напоминал Льва Толстого, и лишь анфас оказывался Федором Михайловичем. Здесь же была и надпись, подтверждающая — да, действительно Достоевский. К тому же великий писатель, странно скособочившись, как бы сползал с постамента, напоминая неловко присевшего в господской гостиной дворника.

«В принципе, — подумал Аленочкин, — такую скульптуру можно к нам в офис заказать. Поставить в холле и назвать «Вызов в службу персонала для увольнения по возрасту». Эта мысль подействовала на Вячеслава благотворно, настроив на рабочую волну. В конце концов, он же сюда не на экскурсию приехал, а по делу. По очень важному, срочному и, надо заметить, весьма необычному делу.

* * *

Быстро пройдя несложную процедуру оформления, он приятно удивился тому обстоятельству, что довольно консервативное библиотечное дело

уверенно шагает в ногу со временем и старается соответствовать современным реалиям — новые технологии и все такое. Тебя фотографируют, тут же заносят в реестр читателей и выдают ламинированный пропуск. Очередей нет, повсюду световые табло — красота!

Наконец Аленочкин приблизился к заветной цели. Теперь предстояла очень серьезная работа — найти правильный источник информации, если он вообще существовал. Изучить, сопоставить факты и сделать выводы. Какие — другой вопрос, но Аленочкин верил в успех. Он ведь реалист и прагматик, иначе и не взялся бы за это дело. «История с какао не может быть случайностью, — твердил он себе, роясь в картотечных ящиках и тщательно изучая карточки. — Таких случайностей не бывает. Здесь чувствуется закономерность и логика, а раз так — я выясню, где тут собака зарыта».

Для начала Вячеслав решил пройтись по информационному океану неводом и составить максимально полный список существующей литературы о мексиканских индейцах — история, география, религия, фольклор, этнография. Затем, отсеяв откровенно ненужное, превратить список в шорт-лист и уже там пытаться обнаружить хоть крупичку истины.

Через два часа изнурительных поисков Аленочкин понял, что для составления более-менее полного списка ему потребуется день или два. А сколько займет просмотр всего этого богатства, Вячеслав старался даже не думать. Но решение было принято, и отступать он не собирался.

Если он на правильном пути, его усилия окупятся с лихвой. А это в бизнесе — главное.

* * *

Вячеслав Аленочкин, серьезный, успешный бизнесмен, кроме офиса и ресторанов появлявшийся лишь в гольф-клубе, стал прилежным посетителем одного из читальных залов Ленинки. Все текущие дела он взвалил на проверенного зама, оставив за собой лишь принятие окончательных решений по стратегическим и особо деликатным вопросам. Несколько следующих дней он провел в окружении стопок книг, альбомов и брошюр о жизни, традициях и обычаях индейцев Мексики.

«Если бизнес накроется, смогу выступать с лекциями или работать экскурсоводом в музее этнографии», — веселился Аленочкин в конце очередного рабочего дня, проведенного за чтением специальной литературы. Женская часть коллектива заинтересованно поглядывала на диковинного посетителя, сильно выделявшегося на фоне традиционного читательского контингента. Однажды Вячеслав услышал фразочку, брошенную одной из девушек:

— А мужик-то, похоже, в шоколаде!

И едва не расхохотался — настолько близко это было к действительности.

Тем временем круг поисков сужался, но ничего, что приблизило бы его к разгадке тайны какао-бобов, Вячеслав не обнаружил. Никаких упоминаний о неизвестных и странных свойствах шоколада, никаких намеков на аномалии при выращивании или переработке сырья. Ничего!

На шестой день поисков, окончательно выбившись из сил и озверев от замысловатых имен и названий, где самыми простенькими были Нетза-

хуальнойотль и Коатзакоалькос, Аленочкин решил прибегнуть к помощи консультанта.

Преодолев традиционную подозрительность делового человека к включению в бизнес-процесс посторонних, он кратко и в самых общих чертах изложил суть проблемы. И не прогадал. Очень серьезная женщина средних лет, похожая на его школьную учительницу физики, быстро посмотрев составленный им список, объяснила, что он неверно сформулировал тему, поэтому мимо него прошло немало интересного. И сразу же подсказала, где может находиться еще одна информационная жила, вполне способная стать для него золотой.

Именно там, среди диссертаций, докладов и отчетов, Вячеслав и наткнулся на весьма любопытный документ начала прошлого века — отчет руководителя британской научной экспедиции, долгое время изучавшей обычаи коренных народов Америки. И вот что он узнал из этого документа.

На территории стран, некогда населенных индейцами, существует немало мест, где сохранились остатки древних поселений. Кто жил в них, ученые определить так и не смогли. Единственный источник информации — фольклор, легенды, предания. Одно из наиболее загадочных мест находится в мексиканских джунглях. В непроходимых дебрях скрываются каменные руины — на этом месте когда-то стоял город. Почему люди покинули его, установить не удалось. Сами руины заинтересовали исследователей несколькими странностями. Стены зданий и внутри, и снаружи были покрыты огромным количеством рисунков. Рисунки наносились беспорядочно, накладывались друг на друга, перекрывали старые барельефы. Но больше

всего ученых поразил сам характер изображений. Они сохранились не лучшим образом, но то, что осталось, поразительно напоминало сюрреалистическую живопись. Ни один специалист по индейским культурам не смог внятно интерпретировать эти изображения.

Еще одна странность — в центре поселения была вырыта большая яма, выложенная изнутри камнем. Больше всего она напоминала резервуар для воды. На дне ее возвышалась каменная фигура неизвестного божества. Сотрудники экспедиции предположили, что это может быть водное божество, по каким-то причинам ставшее здесь во главе пантеона.

Ничего похожего в других индейских культурах, по заключению автора отчета, не встречалось.

Неподалеку от развалин находилась индейская деревушка, жители которой передавали из уст в уста предания об ужасной судьбе обитателей древнего города. Смысл их сводился к следующему. Давным-давно, когда город был на пике могущества, его жители выпустили на свободу непонятное зло, которое поработило их разум. Они стали поклоняться некоему демоническому божеству, забросив все остальные дела. Сельское хозяйство, ремесла, строительство — все остановилось. И однажды их божество пришло за ними и увело их в море. Все до единого жители города утонули. Индейцы свято верили в эту легенду, а также и в то, что в руинах до сих пор живет злой дух. Они предпочитали обходить это место стороной.

Аленочкин прочитал все это на одном дыхании. Интуиция подсказывала — искомое здесь, рядом. Но когда открыл приложения — карты и рисун-

ки, — то непроизвольно издал такой радостный вопль, что сидящие в читальном зале одновременно повернулись на звук. А радоваться Вячеславу было отчего — и рисунок, и словесное описание, приведенные здесь же, не оставляли сомнений — именно эту статую копировала таинственная фигурка, наполненная какао-бобами. Та самая, что досталась ему по наследству от погибшего друга.

* * *

Верный принципу «доверяй, но проверяй», Аленочкин еще один день посвятил перепроверке полученной информации. Однако, к своему изумлению, никаких упоминаний о загадочном племени, каменных руинах и странном божестве в более поздних изданиях не нашел. Создавалось впечатление, что отчет англичан — единственный в своем роде документ. Почему так случилось — объяснить сложно. Вероятно, научный мир скептически отнесся к итогам их работы, а там началась Первая мировая война, и стало не до индейцев с их странными мифами.

Так или иначе, приходилось опираться лишь на этот документ. Но и его находку можно было считать победой — теперь Вячеслав имел примерные координаты места, где, возможно, и произрастает неизвестный сорт какао. По всему выходило — надо было лететь в Мексику и на месте разбираться, что к чему. Многодневному сидению в ставшей ему родным домом библиотеке настал конец. Однако просто уйти, не поблагодарив свою благодетельницу, Аленочкин не мог.

— Вот, — улыбнувшись голливудской улыбкой, сказал Вячеслав, протягивая женщине огромную

коробку совершенно немислимым по красоте конфет. — Это вам. С благодарностью за неоценимую помощь!

Та недоуменно посмотрела сначала на него, потом на конфеты и поинтересовалась:

— Вы это о чем?

— Ну как же, — заторопился Вячеслав, — вы мне очень помогли! Я сам с этими индейцами так и не разобрался бы до конца!

— А... — протянула женщина, — вспомнила. Простите, за день столько людей обращается. Но только это, — она кивнула на коробку, — лишнее. Мы делаем свою работу.

— Но ведь от чистого сердца, — настаивал Аленочкин, хотя уже понимал, что женщина конфеты не возьмет ни за что. Для очистки совести предпринял еще одну попытку, но быстро отступил.

— Хорошо, тогда просто — большое спасибо! — изящно поклонившись, сказал Вячеслав.

— Не за что, не за что, — быстро пробормотала дама, словно желая побыстрее отделаться от навязчивого посетителя. Но когда Аленочкин уже сделал шаг к выходу, произнесла: — Так странно...

Чуткий ко всяким нюансам и неожиданным реакциям Аленочкин мигом развернулся на месте:

— Простите, что странно?

— Да так, ничего.

— Нет-нет. По-моему, вас что-то удивило. Что вы хотели сказать? Что странно?

— Просто я работаю здесь очень давно. И на моей памяти этой темой так глубоко заинтересовались впервые. Но зато — сразу два человека. Странно.

— Действительно странно, — задумчиво протянул Вячеслав. — Хотя...

Тут он вроде как вспомнил о чем-то и хлопнул себя по лбу:

— Склероз! Я же недели две назад посылал сюда свою помощницу подбирать мне материалы. Это была моя Екатерина, наверное, она к вам обращалась.

— Нет, это было ровно месяц назад, я как раз вышла после отпуска. И это был мужчина, постарше вас.

— Может быть, он тоже пишет диссертацию? — задумчиво, как бы про себя, пробормотал Аленочкин. — Надо бы с ним познакомиться... Не можете?

— Нет. Он здесь часто бывает, только последние дни что-то не видно. Может быть, закончил работу или заболел.

Аленочкин понимал, что больше, как ни старайся, ничего из нее не вытащит. Однако возникновение на горизонте незнакомца, интересующегося его индейцами, настораживало. Совпадение? А что, если не совпадение, а промышленный шпионаж? В любом случае неизвестного мужчину стоило отыскать. Еще раз поблагодарив строгую женщину-консультанта, Вячеслав отправился домой.

* * *

Аленочкин умел правильно подбирать кадры. Поручив дело своему специалисту, он мог быть уверен, что тот добьется максимального эффекта. Поэтому, отдав распоряжение разыскать любителя мексиканских индейцев, он не удивился, когда через три дня на его стол легла докладная записка,

где помимо отчета о проделанной работе содержались полные сведения о человеке, который его интересовал.

Вызвав к себе начальника службы режима и безопасности, Вячеслав задал только один вопрос:

— Как удалось?

Тот расплылся в довольной улыбке:

— С вашей подсказки. Его отследили прямо у картотеки. У меня есть один человек — ас в таких делах. Остальное — дело техники. Точнее — спецтехники.

Аленочкин откинулся в кресле и принялся читать отчет.

Имя: Томилин Андрей Николаевич, отставной военный, уволился в запас с должности начальника штаба полка, в звании майора. Занятие в настоящее время: торгует по Интернету часами, копиями известных швейцарских брендов. Свою квартиру использует также и в качестве офиса. Адрес, телефон, номер личного автомобиля — все как полагается.

«Да, интересное занятие для бывшего начштаба полка, — усмехнулся Вячеслав, — да еще эти индейцы. Они-то ему зачем понадобились? Или опытного вояку кто-то нанял для выполнения особых поручений? В любом случае придется знакомиться. Только повод хороший надо придумать, а то контакт не состоится».

Неожиданно взгляд его упал на следующую фразу: «Работал завхозом в Фонде поддержки малых народов Америки, полгода назад уволен по собственному желанию». Аленочкин присвистнул. Вот так дела! Он ведь был спонсором этого самого фонда, перечислял деньги на его нужды. А этот То-

милиин до недавнего времени состоял в штате. Потрясающее совпадение. Нет, конечно, Аленочкин не знал, кто там захвоз, в этом фонде, откуда? Не его уровень. Вот с руководством он хорошо знаком, это да.

Все же пока он решил не делать ставку на то, что они оба имеют отношение к одной и той же организации. Аленочкину нужен был убедительный повод для знакомства. И он его нашел. Предполагаемая покупка большой партии часов — лучше не придумаешь. Аленочкин решил, что свяжется с Томилиным через секретаря и потребует личной встречи для обсуждения деталей крупного контракта. А там под виски или водочку — разговоры о всякой всячине, хобби и так далее, по обстоятельству. Глядишь, всплывут в дружеской беседе бледнолицых братьев и мексиканские аборигены. Вдруг товарищ майор просто так интересуется, ради общего развития?

Он все замечательно продумал. Одно раздражало — Томилиин второй день не отвечал на телефонные звонки. Настораживало и то, что признаков жизни не подавала его электронная торговая площадка.

На третьи сутки Аленочкин решил лично выяснить, что происходит, и ближе к вечеру поехал на Каширское шоссе, в квартиру-офис Томилиина. Поехал один, без сопровождения, так как была вероятность, что визит потянет за собой проблемы, о которых знать никому не следует.

Аленочкин думал, что таких подъездов в Москве уже нет, однако он ошибался. Убогая панельная пятиэтажка, с проросшими на балконах сорняками, встретила его распахнутыми настежь дверьми подъ-

ездов. Прочитать номера квартир на проржавевших табличках, укрепленных сверху, было невозможно, и Вячеслав был вынужден по очереди заглянуть в каждый подъезд, пока не высчитал, что квартира Томилина должна находиться в третьем.

В подъезде пахло гнилой картошкой и еще чем-то кислым. Пешком поднявшись на четвертый этаж, Вячеслав огляделся — никого. Тогда он нажал кнопку звонка. Однако ни приближающихся шагов, ни вопроса «Кто там?», да и вообще каких-либо звуков не услышал. У соседей напротив за дверью орал телевизор. Квартира Томилина настаивала абсолютной тишиной.

«Если я сейчас возьмусь за ручку двери, а она со скрипом начнет приоткрываться, будет совсем как в плохом детективе», — вдруг подумал Аленочкин.

Не желая оставлять здесь свои отпечатки, он тихонько пнул дверь ногой. С противным скрежежом она приоткрылась внутрь, словно приглашая незваного гостя войти в коридор. Тот вздрогнул, по спине побежали противные мурашки. Превозмогая страх, он все-таки вошел в квартиру. Первое, о чем он успел подумать — не забыть протереть звонок перед уходом. Он уже догадался, что сейчас увидит, только еще не решил — стоит ли звонить своим или убираться подобру-поздорову. Милицию он вызывать не собирался.

Квартира оказалась довольно большой и светлой и совсем не походила на офис. Коробок — надо полагать, с часами — обнаружилось всего несколько штук. Во всех комнатах было чисто убрано, вещи лежали на своих местах. Обстановка строгая и простая, лишь веселого цвета шторы ломали класси-

ческий деловой стиль. На кухне царил образцовый порядок, а в ванне плавал хозяин квартиры — Андрей Томилин. Голый и мертвый.

* * *

Аленочкин не забыл протереть звонок, покидая страшную квартиру. Покойников он не то чтобы боялся. Просто как любой молодой и здоровый мужчина инстинктивно отгораживался от этого напоминания о тщете всего земного. Но если внутри его тела все еще бушевал адреналин, то разум уже работал холодно и четко: «Что это — самоубийство, несчастный случай, убийство? Как теперь выяснить, чем занимался покойный в библиотеке? И если его убили — то кто и за что?»

Всю обратную дорогу Аленочкин размышлял об этом, но ответов, естественно, не было. Дело принимало скверный оборот. Не скажи консультантша про Томилина, готовился бы он сейчас спокойно к поездке в Мексику и не думал ни о каком трупе. Нет, о трупе вообще лучше никому ничего не рассказывать. Подключишь пусть даже и своих спеццов — утечка может произойти, а там, не дай бог, и обвинят в чем-нибудь. Нет, лучше забыть все как кошмарный сон.

И он постарался забыть.

Глава 2

ЗДРАВСТВУЙТЕ, Я ВАША ТЕТЯ! РАССЛЕДОВАНИЕ НАЧИНАЕТСЯ

На кнопку звонка давили так настойчиво, так безапелляционно, что сразу же приходила в голову мысль о чрезвычайной ситуации. Сильвестр поспе-

шил к двери и припал к глазку, уверенный в том, что увидит с той стороны милицейский отряд или пожарную команду. Однако — ничего подобного. Прямо перед его носом возникло незнакомое женское лицо — круглое, живое и дерзкое. Его обладательница выглядела лет на шестьдесят, и вид у нее был такой, словно она пришла биться не на жизнь, а на смерть.

Сильвестр помедлил, размышляя. Но как только визитерша снова потянулась к звонку, поспешно открыл. Она стояла в позе завоевателя, оперев руки в боки. На полу, возле ее ног, лежали две битком набитые спортивные сумки.

— Здравствуйте, — вежливо сказал Сильвестр. — По-моему, вы ошиблись адресом.

Визитерша несколько мгновений смотрела на него снизу вверх — ростом она была с этажерку на колесиках. Одна ее бровь изогнулась, а глаза заискрились смехом.

— Да нет же! — воскликнула она. — Ничего я не ошиблась. Сильвестр, голубчик, как же я рада тебя видеть...

Незваная гостья раскинула руки, шагнула вперед и обняла хозяина квартиры поперек туловища. Хватка у нее оказалась железной. Даже одета она была не так, как подобает даме приятного пожилого возраста — в бриджи с многочисленными молниями, рубашку мужского покроя и кеды. Короткая стрижка довершала облик, делая ее похожей на участницу туристического похода. Возможно, прямо из похода она сюда и явилась. Кожура загара на ее лице казалась жесткой, а прямая линия спины наводила на мысль о веслах и горных перевалах.

— Извините великодушно, но что-то я не при-

поминаю, — сообщил Сильвестр ей в макушку и попытался вырваться. — Меня трогает ваша радость, но, честное слово...

— Я — тетя Вера! — провозгласила гостья, отстраняясь. Глаза у нее были задорными и горели восторгом собаки, отыскавшей заблудившегося хозяина.

У Сильвестра не было ни одной тети, о которой можно было бы позабыть. Поэтому он тотчас уточнил:

— Чья тетя?

— Андрюши Томилина. Ну-ка, напряги извилины, мой мальчик! Мы же провели вместе незабываемые каникулы!

— Боже мой...

Сильвестр немедленно вспомнил давнее прошлое, службу в армии, своего приятеля Томилина и его тетку, Веру Витальевну, которая вполне могла стать кошмаром человека, привыкшего к упорядоченной жизни. Вероятно, это она и есть. Хотя в те времена, о которых гостья только что напомнила, выглядела она совершенно по-другому.

— Может быть, все же пригласишь меня? — заинтересовалась Вера Витальевна. — Думаю, сумки лучше всего внести в квартиру.

Она бодро шагнула внутрь, потопталась на лежавшей у порога мокрой тряпке, скovyрнула с ног кеды и, оглядевшись по сторонам, непререкаемым тоном заявила:

— У тебя просто нечеловеческий порядок! В таких помещениях хочется ходить на цыпочках. На следующий день рождения придется подарить тебе напольную вазу или плюшевого медведя.

Сильвестр против воли представил, как тетя

Вера располагается в его квартире и живет здесь припеваючи до его дня рождения.

— Почему ты нахмурился? Не любишь, когда что-нибудь мешается под ногами? Хорошо, остановимся на милых маленьких безделушках, которые можно расставить на книжных полках.

В этот самый момент дверь ванной комнаты распахнулась, и оттуда вышла симпатичная девушка в махровом халате, с полотенцем, обернутым вокруг головы.

— Ой, надо же! — немедленно воскликнула гостя и всплеснула руками, шагнув девушке навстречу. — Сильвестр, ты женился?! Какой умник! Нужно будет рассказать тебе о том, как сохранить брак на долгие годы. Я хочу, чтобы ты был счастлив!

В Вере Витальевне чувствовалась энергия, которая наверняка могла бы обогатить ряды борцов за какое-нибудь справедливое дело. Перед столь напористыми дамами бледнеют официанты и теряют свой гонор работники жилищно-эксплуатационных контор. Девушка тоже растерялась.

— Здравствуйте, я Вера Витальевна! — широко улыбаясь, сообщила между тем гостя. — А вы?

— Майя.

Девушка позволила потрясти себя за руку, после чего, извинившись, нырнула в комнату.

— Это не жена, — пояснил Сильвестр, тяжело вздохнув.

Вздыхал он не потому, что сожалел о вышеизложенном факте. Просто-напросто предстояло в сотый раз объяснять новому человеку, что Майя Долинина не только не его жена, но даже не его де-

вущка. Она — его помощница, обходиться без которой ему, увы, в настоящее время весьма тяжело.

— А зачем тебе помощница? — удивилась Вера Витальевна, выслушав его короткое заявление. — Ты что, сам не можешь справиться с хозяйством?

Сильвестру пришлось признаться, что он действительно не может справиться с хозяйством. Он болен. У него аллергия. Не какой-нибудь насморк, донимающий его в ту пору, когда летит тополиный пух. Кое-что посерьезней. Его организм обостренно реагирует на слишком многие вещи. На животных, на продукты, на бытовую химию и десятки других предметов. Это сильно затрудняет общение с внешним миром. Из-за своей болезни он ушел из армии и развелся с женой.

— Моя вторая половина не смогла смириться с произошедшим, — объяснил он.

— Жены уходят не потому, что перестают выносить тяготы семейной жизни, — тотчас возразила Вера Витальевна. — Они перестают выносить мужей. Вероятно, подхватив свою аллергию, ты стал несносным, голубчик.

Сильвестр криво ухмыльнулся. В глубине души он знал, что Вера Витальевна права, и это его сердило. Какого черта? Появляется почти чужой человек и так, между прочим, выдает собственное резюме, подводя черту под его жизнью.

Впрочем, долго обижаться на гостью не было никакой возможности. Она постоянно изрекала некие сентенции, и довольно быстро Сильвестр понял, что принимать их близко к сердцу все же не стоит. Он позволил Вере Витальевне осмотреть свой кабинет, после чего завел на кухню, усадил на

табурет и, дружелюбно улыбаясь, задал сакраментальный вопрос:

— Так какими судьбами?..

О Томилине он ничего не слышал лет пять-шесть, если не больше. С какой стати тетка давнишнего приятеля вторглась на его территорию, Сильвестр мог лишь предполагать.

— Хорошо, что у тебя такое особенное имя, — вместо ответа сказала Вера Витальевна. — Сильвестров Бессоновых в Москве больше нет. То есть ты такой один, радуйся.

— Я радуюсь, — сдержанно ответил хозяин квартиры.

— Послушай, а кем ты работаешь?

Она придвинула к себе тарелку с печеньем и принялась азартно жевать, роняя на колени крошки и сахарную обсыпку. Сильвестр налил в чайник воды и достал с полки три чашки. Им наверняка предстоит разговор по душам. Да и печенье надо чем-то запивать.

— Я кинокритик, — ответил он, расставляя посуду на столе. — Сочиняю рецензии на художественные фильмы. Их публикуют газеты и журналы. Не слишком прибыльное дело, но я и этому рад.

Вера Витальевна замерла, не донеся очередной кусок до рта:

— Какая жалость! А я-то в глубине души надеялась, что ты прокурор или следователь. Андрюша рассказывал мне, как ты в свое время, когда еще полком командовал, мастерски распутал убийство начальника склада. Все думали, будто он повесился, а оказалось, что его прикончили торговцы оружием. Об этом все газеты писали. Ведь это правда?

— Правда, — вынужден был признать Силь-

встр. — Но я не могу быть ни прокурором, ни сыщиком. Активная жизнь не для меня.

Вера Витальевна метнула в него испытующий взор, который вполне мог проткнуть насквозь любую защитную оболочку. Так, вероятно, она отправляла ножи в самый центр мишени, сидя у вздрагивающего костра где-нибудь в непроходимом карельском лесу. Сильвестр прикинул, как он выглядит со стороны. Выше среднего роста, с широкими плечами и гладкой физиономией. Подбородок тяжелый, как и положено сильным натурам. Глаза пронизательные и дерзкие. Внешность на все сто — ему не раз говорили об этом. Однако что толку? Пользоваться своим телом на полную катушку Сильвестр не мог, и это обстоятельство навсегда испортило его характер.

— Нет, я была уверена, что ты работаешь в органах! — не сдержала своего разочарования Вера Витальевна. — Ну, да ладно. Тут главное мозги, а не запись в трудовой книжке.

— Где — тут? — спросил Сильвестр с подозрением.

— В нашем деле, — ответила его собеседница. И с чувством добавила: — Сильвестр, ты просто не можешь обмануть моих надежд.

Вера Витальевна стукнула ладонью по столу, и все, что лежало на нем, немедленно вздрогнуло.

— Смотря какие надежды вы на меня возлагаете, — дипломатично ответил тот. И сразу же спросил: — А что с Андреем?

Она вскинула на него глаза и сморщила нос:

— Так и знала, что ты не в курсе! В противном случае ты бы сам объявился, правда?

— Лучше не тяните. Говорите все как есть.

Сильвестр уже понял, что не услышит ничего хорошего. Вероятно, Томилин влип в криминальную историю и его в чем-то обвиняют. Может быть, даже посадили в тюрьму. Поэтому слова Веры Витальевны его по-настоящему ошарашили.

— Дело в том, — сказала она мрачно, — что Андриюши с нами больше нет. Он умер. Утонул в собственной ванне. К сожалению, его нашли слишком поздно. Он проглотил пару таблеток успокоительного, напустил воды и заснул. Ну... по крайней мере так говорят.

Сильвестр выпрямился и несколько мгновений молчал, переваривая услышанное.

— Знаете, я сожалею, — пробормотал он наконец и с силой провел рукой по собственному затылку, взъерошив волосы. — Какая чертова несправедливость...

— Несправедливость — это не то слово!

— У него была семья? Мы слишком давно не виделись. Мне сейчас трудно поддерживать отношения...

Расстроенный Сильвестр поднялся со своего места, сходил за чайником и поставил его на стол.

— А где заварка? — с подозрением спросила Вера Витальевна. — Если ты собираешься сунуть в мою чашку какую-нибудь фигню на веревочке, то я против. А что касается семьи, то — увы! У Андриюши с этим не ладилось, как и у тебя. То есть у него были женщины... Я нашла целую кучу фотокарточек с надписями и другие... хм... признаки того, что дамы присутствовали в его жизни. Однако жена от него тоже сбежала, причем давным-давно. Впрочем, она была той еще вертихвосткой!

Сильвестр принес заварочный чайник и поста-

вил его на стол. Из носика потянулась вверх нежная струйка пара.

— Жасминовый? — спросила гостя с подозрением. — Жасминовый я не люблю. Такое впечатление, что пьешь какие-то духи. Или это не жасминовый?

Сильвестр заверил, что в чае нет никаких добавок. Тут как раз пришла Майя и подтвердила, что Сильвестру ни в коем случае нельзя употреблять чай с добавками, поэтому волноваться не о чем. Вере Витальевне девушка понравилась. Она была стройной и симпатичной. Но самое главное — в ней чувствовалась косточка, придающая личности тот особый шарм, которого лишены многие писанные красавицы. Сразу обращали на себя внимание пытливые зеленые глаза и яркая родинка над верхней губой.

— Умер один мой друг, еще по армии, — ввел Сильвестр помощницу в курс дела. — Вера Витальевна — его родная тетя. Она разыскала меня, чтобы сообщить.

— Чушь собачья! — неожиданно перебила его гостя. — Я разыскала тебя совсем не для этого.

Она легла на стол грудью, а руки положила перед собой ладонями вниз. Вид у нее сделался мрачным.

— Серьезно? А я было подумал...

— Мне кажется, — она понизила голос, как будто кто-то посторонний мог их подслушать, — что моего племянника... убили.

— Убили? — переспросила Майя, тоже подавшись вперед. — Убили! Но как это случилось? Милиция что говорит?

— Милиция говорит, что Андрюша проглотил

несколько успокоительных таблеток, запил их коньяком и решил понежиться в теплой водичке. Будто бы у него на теле нет никаких следов насилия. В квартире порядок. Поэтому следователи пришли к выводу, что налицо несчастный случай. Я, конечно, высмеяла их! Сказала этим... этим... все, что я о них думаю. «Покончил с собой!» Как бы не так. Андрюша любил жизнь до умоисступления.

Майя живо представила, как Вера Витальевна отбрила следователя, и криво улыбнулась.

— Вот тут я и вспомнила про тебя, Сильвестр. Понимаю, вы дружили довольно давно, но все же Андрюша тебе не чужой, правда? Я подумала — ты не сможешь от меня отмахнуться.

Отмахнуться от этой женщины было бы в любом случае непросто.

— Если кого-то интересует мое мнение, то вы пришли по адресу, — заявила Майя и посмотрела на своего босса с вызовом.

Она искренне считала, что его мозги устроены особым образом: он умеет замечать детали и видит связь между явлениями и событиями, которая ускользает от простых смертных.

— Я и не собираюсь отмахиваться, — заметил Сильвестр, обращаясь к обеим женщинам сразу.

Майя наклонилась к Вере Витальевне и заговорщическим тоном сказала:

— Вы не волнуйтесь, Сильвестр Семенович уже помогал распутывать преступления. У нас есть знакомый оперативник...

— Алкоголик, — подсказал ее босс мрачно.

— Он иногда приходит за помощью, и Сильвестр Семенович всегда откликается.

— Еще бы. От твоего Половцева можно отвя-
заться, только пристрелив его.

— Он вовсе не «мой Половцев», — возмутилась
Майя. — Если вам что-то такое пришло в голову...

— Конечно, пришло, — язвительно заметил
Сильвестр. — Думаешь, старший лейтенант появ-
ляется здесь потому, что не справляется со своими
прямыми обязанностями? Чушь собачья.

— Просто он понял, какой у вас потенциал!

— Он положил на тебя глаз, — безапелляционно
заявил босс.

— Да что за ерунда! Он приходит к вам, а не ко
мне! — воскликнула Майя. Тем не менее щеки ее
заметно порозовели.

Вера Витальевна наблюдала за ними с непод-
дельным интересом.

— Если бы моей помощницей была старушка с
морщинистой шеей, его бы и след простыл.

— Да он не появлялся здесь уже целых три ме-
сяца и четыре дня! — яростно сверкнув глазами,
бросила Майя и тут же прикусила язык.

Сильвестр посмотрел на нее насмешливо.

— Знаете, что у меня в сумках? — неожиданно
спросила Вера Витальевна, с лукавой улыбкой пе-
реводя взгляд с одного спорщика на другого.

Оба повернули головы и посмотрели на нее
непонимающе.

— Ну, вы ведь заметили, что у меня с собой две
сумки, — продолжала она. — Думаете, там пижама,
шлепанцы и носки? Так вот, дудки! Там — моя кол-
лекция. Я собираю ее уже пятнадцать лет. Я объ-
ездила всю страну в поисках экспонатов. Была за
Уралом, на Алтае, в Крыму... Да где только не была!
Облазила все пансионаты и дома отдыха, часами

просиживала в кафе и залах ожидания аэропортов... Кстати, вокзалы и гостиницы — самые лучшие места для того, чтобы пополнять мою коллекцию новыми экспонатами!

Она вся лучилась гордостью. Закинула ногу на ногу и обвила коленку руками, демонстрируя позу победительницы.

— И что же вы собираете? — спросил Сильвестр с подозрением. — Пробки от бутылок?

Вера Витальевна ничуть не обиделась.

— Ха! Вы никогда не догадаетесь, ребятки. У меня уникальнейшая в мире коллекция. Я собираю... любовные письма.

— Вот это да! — восхитилась Майя и от неожиданности даже присвистнула. Потом схватила печенье и быстро съела. Спор с Сильвестром по поводу нежной привязанности к старшему лейтенанту Половцеву лишил ее сил.

— А зачем вам это? — спросил хозяин дома, глядя на нее с непониманием.

— Ну как — зачем? Зачем люди коллекционируют всякую дрянь? Перочинные ножи или фарфоровых лягушек? Для удовольствия, разумеется. Но у меня есть и высшая цель, — добавила она и собрала губы бантиком. Морщинки, таившиеся под коркой загара, мгновенно углубились, превратившись в темные разветвленные каналы. — Любовь — это добро. Собирая любовные письма, я концентрирую энергию добра. Она обладает мощным энергетическим зарядом, который влияет на мир вокруг нас.

Сильвестр с опаской покосился в сторону двери. В коридоре на полу лежали две тяжелых спортивные сумки. Две бомбы, начиненные любовными письмами. По всему выходило, что держать

их в квартире небезопасно. В любой момент они могут взорваться, обрушив на голову Сильвестра и Майи обломки сотен романтических историй, которые завалят все вокруг и погребут под собой их спокойную жизнь.

— И какими же способами вы добываете экспонаты для своей коллекции? — спросил он мрачно.

— Легальными, не беспокойся. — Вера Витальевна относилась к своему делу с серьезностью ребенка, строящего пирамиду из кубиков. — Я умею разговаривать людей, затронуть самые чувствительные струнки... И вот что я вам скажу, дорогие мои. Жизнь дается человеку для любви! В самом широком смысле этого слова. Для того, чтобы он насыщал эмоциями мир вокруг себя! Для того, чтобы создавал в своем мозгу положительные вибрации и таким образом позитивно влиял на всю биологию планеты.

Майя сделала большой глоток чая, против воли прикидывая, соответствует ли она столь высокому предназначению. Тотчас решила, что нет. Вот, например, вчера пенсионер Чепукин, живущий в соседней квартире, настроил ее на весьма агрессивный лад. Он постоянно выкидывал какие-то штуки, стараясь испортить настроение окружающим. Ненавидевший современную жизнь и нынешнее правительство, Чепукин редко высовывал нос из квартиры, однако ухитрялся быть у всех на виду. Не так давно он повадился выставлять мешки с мусором прямо на лестничную площадку. Мешки всегда были драными и оставляли за собой длинный шлейф оводной трухи, карандашных очисток и обглоданной кильки. Они, разумеется, отвратительно пахли, вызывая негодование жильцов и

приходящей уборщицы. Кому-нибудь из добровольцев приходилось запихивать их в мусоропровод, а потом возвращаться домой для того, чтобы вымыть руки. Зачастую этим «кем-то» была Майя. И она точно знала, что если ей удастся выманить Чепукина из квартиры, ее человеколюбию на время придется поджечь хвост.

— Вот поэтому, дорогая моя девочка, — обратилась к ней Вера Витальевна и даже наставила на нее всезнающий указательный палец, — ты не должна стыдиться своей любви, даже если объектом ее является старший лейтенант-алкоголик.

Майя укоризненно посмотрела на Сильвестра.

— Ну, насчет алкоголика... Это я преувеличил, — вынужден был признать тот. — И в смысле любви... Здесь все довольно запутано.

— Тогда надо взять — и распутать! — отрезала Вера Витальевна и тут же сама себя перебила: — Впрочем, мы уклонились от темы. Сильвестр, когда ты примешься за дело?

Она посмотрела на него светлым и беспощадным взглядом миссионера, готового рискнуть жизнью за идею.

— Вы всерьез решили, что я могу просто так, с бухты-барухты раскрыть убийство? — скучным голосом уточнил тот, осторожно поставив чашку на блюдце. Смотрел он прямо в эту самую чашку, хотя Вера Витальевна не сводила глаз с его высокого лба.

— У тебя есть способности к сыску, в прошлом ты их проявил, — настаивала она. — И вы с Андрюшей дружили. На его стеллаже стоит фотография в рамке, где вы сняты вместе... Собственно, именно поэтому я и вспомнила о тебе и том деле с

начальником склада... Посмотрела на фотографию и подумала: «А почему бы не обратиться к Сильвестру?» Так что? Когда мы приступим? Когда отправимся в его квартиру?

— Туда, где он умер? — уточнила Майя с дрожью в голосе.

Дрожь в голосе была вполне оправданна. Все же — место убийства! Ванная, в которой лежало тело... Бр-р-р. Кроме того, она беспокоилась за Сильвестра. Всякий выезд из дому становился для него настоящим испытанием: за пределами квартиры его здоровье подвергалось опасности на каждом шагу.

— Андрюшино жилище в моем полном распоряжении, — кивнула Вера Витальевна. — Ключ здесь. — Она похлопала себя по карману рубашки. — Я ничего не трогала. Ни одной вещи не переложила с места на место. Все это время ночевала в гостинице. Сразу подумала, что ты захочешь осмотреться и своими глазами увидеть все то, что видели эти сыщики.

— Ладно, — сказал Сильвестр. — Я поеду с вами. Только давайте сначала поговорим. Вы ведь готовы ответить на мои вопросы?

Вероятно, он с самого начала принял решение заняться расследованием смерти друга, Майя просто не сразу это поняла. Лицо ее просветлело. Она считала, что босс незаслуженно прозябает в безвестности, просматривая сотни лент, большей частью бездарных или подражательных, и его огромный киношный опыт никогда не сможет помочь ему почувствовать себя по-настоящему востребованным. А вот расследование убийств... Это

совсем другое дело. Такой путь личностного роста она одобряла всецело.

— Выходит, Андрей жил один? — уточнил Сильвестр, сложив ладони перед собой.

— Один как перст. Постоянно где-то мотался, насколько я знаю. Сто раз хотела приехать к нему погостить, а он все отнекивался: «Тетья Вера, да я уезжаю на неделю. Теть Вер, да у меня командировка на все выходные!» В последний раз виделись полгода назад. Это же страшно даже подумать! А ведь я — его единственная родственница, между прочим.

— Чем он занимался?

Вера Витальевна сердито крикнула.

— На мой взгляд, он занимался совершенно дурацким делом. Был владельцем магазина — только такого... ненастоящего.

— В каком это смысле — ненастоящего?

— Он был владельцем интернет-магазина. Продавал часы через компьютер. Подделки под продукцию известных марок, задешево. Глупость, а не работа, правда? Вот раньше он занимался очень понятным и вполне человеческим делом — служил завхозом в одном фонде, который поддерживает дружбу между русскими и латиноамериканцами. Получал зарплату, все как положено.

— Фонд дружбы с латиноамериканцами? Неужели у нас и такой есть? — пробормотала Майя.

— А потом там у них, в этом фонде, что-то случилось. — Вера Витальевна скорбно выпятила губы. — Неприятность какая-то. Андрюша как лицо материально ответственное оказался крайним, и его попросили написать заявление по собственному желанию. Он написал и — вот, пожалуйста, с

головой ушел в этот самый Интернет. Разве подходящее занятие для здорового мужчины — сидеть целый день за компьютером?

— Да уж, у здоровых мужчин и работа должна быть... ого-го! — кисло подтвердил Сильвестр.

— Может быть, отправимся прямо сейчас? — с надеждой спросила Вера Витальевна. — В самом деле, зачем нам медлить?

Однако Майя погасила ее энтузиазм, непрекращаемым тоном заявив:

— Сильвестру Семеновичу необходимо подготовиться. Экипироваться. Аллергия — она, знаете ли, не любит легкомысленного к себе отношения. В квартире вашего племянника наверняка пыльно, нам нужна маска... Впрочем, комплект специального снаряжения для срочных выездов у нас есть. Сильвестр Семенович?

Она посмотрела на босса с тревогой неопытной медсестры, которой предстояло сделать укол вредному больному.

— В квартире наверняка скопилась пыль, я мгновенно выйду из строя. Сначала — пропылесосить, потом — расследовать, — решил босс. — У нас есть приходящий уборщик, он справится с этой проблемой.

— Пылесосить?! — со священным ужасом переспросила Вера Витальевна. — А следы? А отпечатки? Все будет затоптано! Вы знаете, что делают уборщики, когда дорываются до квартиры? Они повсюду лазят и все хватают руками!

— Меня не интересуют отпечатки, — повел бровью Сильвестр. — Я концентрируюсь не на следах, а на личных впечатлениях.

— Ну, раз так... — пробормотала Вера Витальевна, — тогда — что ж... Зовите своего уборщика.

Однако было ясно, что она не верит в личные впечатления и переживает из-за наверняка пропущенных милицией следов, которые вскоре будут навсегда утрачены.

Кстати, гостя сообщила, что останется в квартире Сильвестра до тех пор, пока тот не раскроет тайну смерти ее племянника. В квартире Андриюши ей, разумеется, не по себе. А ее собственная расположена в Подмосковье — слишком далеко, чтобы мотаться сюда за новостями. Сильвестр возражать не посмел. Тетя Вера решила, что ответ, конечно, положительный, и внесла сумки в маленькую комнату.

Глава 3

ЧЕЛОВЕК ПРОХОДИТ КАК ХОЗЯИН.

ЗАПАХ ДЕТСТВА И ЗАПАХ ДЕНЕГ.

ЗАГАДОЧНЫЕ ЗЕРНА И СМУТНЫЕ ОЩУЩЕНИЯ

Вся эта удивительная история, которая привела Вячеслава в Ленинку, началась с покупки шоколадной фабрики. Аленочкин отлично помнил тот день, когда принял судьбоносное решение. И как был озадачен этим решением его заместитель. Как он сказал ему после большого совещания, трагически понизив голос:

— Я просто не представляю, что этот актив добавит вашей небольшой многопрофильной империи. Меня лично гораздо больше волнует вопрос о нашем участии в финансировании строительства сети супермаркетов.

— Я тоже пока не представляю, — признался Аленочкин.

Оставшись в кабинете один, он развернулся в кресле и задумчиво смотрел на хмурое темное небо, обещавшее если не грозу, то как минимум дождь. Господи, ну для чего ему эта кондитерская фабрика? Алчностью он не страдал, манией приобретательства — тоже. В делах всегда взвешенно подходил к любым решениям, особенно когда дело касалось приобретения непрофильных активов. Но в данном конкретном случае он вдруг засомневался. Почему? Может быть, в нем заговорил маленький мальчик, для которого слово «шоколад» — волшебное слово, пропуск в мир безотчетной радости и хорошего настроения? Нет, чушь собачья. Серьезный бизнесмен Аленочкин не позволил бы доминировать эмоциям при решении серьезных дел. Значит, он увидел здесь некую, пусть пока и слабенькую, перспективу. Покупка фабрики его не разорит, а выгодной она со временем будет в любом случае. Каждое дело может приносить прибыль, если его правильно организовать. И все, хватит об этом.

* * *

Как только Аленочкин вошел в цех, на него одновременно обрушились адский грохот работающих машин и пленительный аромат свежего шоколада. Этот запах неожиданно напомнил ему один эпизод из детства. Ему было лет восемь, родители повезли сына кататься на речном трамвайчике по Москве-реке. Он сохранил от той поездки лишь смутные воспоминания, но одно впечатление запало в память: волшебный запах шоколада, исходивший из недр кондитерской фабрики, которая

расположилась на набережной. И вот много лет спустя он снова вдыхал этот аромат, все меньше жалея о покупке.

Изначально Аленочкин не планировал заходить в цеха, ему достаточно было переговорить с директором предприятия. Но он любил быть в курсе всего, что происходит в компании. Дотошность и внимание к деталям составляли основу стиля его работы, поэтому после беглого первичного знакомства с документами Вячеслав отправился осматривать новые владения.

Огромный зал был под завязку заполнен хитрыми механизмами, среди которых озабоченно сновали люди в белых халатах. Повинуясь их командам, шоколадная масса текла по трубам, прокручивалась, перемешивалась, растрясалась, охлаждалась, заполняла формы. Еще теплые плитки попадали в упаковочные аппараты, прятались в яркие бумажки и отправлялись дальше.

Аленочкин с хозяйским видом прошелся вдоль конвейера, по которому непрерывным потоком текли шоколадки. Главный технолог, сопровождавший его, ловко подхватил с ленты одну плитку, развернул и протянул Аленочкину.

— Не желаете продегустировать? Свежайший шоколад, такой можно попробовать только непосредственно на производстве.

— Почему бы и нет? — охотно согласился Аленочкин, большой любитель сладкого. Через минуту от шоколадки осталась только обертка — продукт был оценен по достоинству. Желая до конца вжиться в новую для него роль кондитера, Вячеслав изъявил желание поближе познакомиться с оборудованием цеха. Особенно его заинтересовала одна

машина, из которой торчали трубки и шланги, а каркас был усыпан датчиками и переключателями. Технолог подвел нового владельца к лесенке, по которой Аленочкин вскарабкался наверх и стал с интересом наблюдать, как жидкий шоколад неторопливо вытекает из трубы и заполняет формы. Зрелище было впечатляющее и настолько аппетитное, что он едва не поддался соблазну зачерпнуть пальцем немножко сладкой массы. Поборов искушение, он поспешно спустился из шоколадного рая на грешную землю, и ознакомительная экскурсия продолжилась.

Из цеха они прошли в специальную лабораторию, где химики и биологи раскладывали на молекулы выпускаемые сладости. Именно от них зависело, сколько покупателей останется в живых после продажи очередной партии шоколадок. Поскольку работу местных спецов нельзя было увидеть невооруженным глазом, Аленочкин лишь мимоходом заглянул в какую-то комнатку, где задумчивые люди сидели, склонившись над микроскопами. Вслед за своим провожатым он проследовал в главный зал. Молоденькие лаборантки как по команде оторвались от своих дел и повернулись в его сторону, и Аленочкин поприветствовал их кивком головы.

— А что у вас в этих шкафах? — обратился он к своему спутнику. Тот перехватил его взгляд и с готовностью ответил:

— Здесь хранятся образцы всех сортов какао, которые когда-либо закупала наша фабрика.

Три высоких стеллажа скорее напоминали витрину кофейного магазина, чем лабораторные шкафы. За стеклом выстроились ряды аккуратных баночек с зёрнами. На каждой банке наклеен ярлык, на ко-

тором написаны страна произрастания и название сорта. Технолог объяснил, что из разных какао-бобов получают множество разновидностей шоколада. Но крупные кондитерские концерны неустанно прочесывают тропические страны в поисках все новых сортов какао.

— Это еще зачем? — удивился Вячеслав. — Плюс-минус тот же шоколад.

— Не скажите, тут любая нечаянная находка может обернуться прорывом на рынке. Вкусовые оттенки, иное воздействие на организм — миллионы любителей сладкого в мире с удовольствием станут покупать что-нибудь необычное. Разрекламировать можно, продавать эксклюзивно...

Слушая собеседника, Аленочкин задумчиво крутил в руках банку африканского какао — ее специально для него достали из запертого стеллажа. Абстрактное до сих пор шоколадное производство постепенно становилось зримым и осязаемым.

Вдруг совершенно неожиданно у него возникло странное ощущение того, что нечто похожее с ним уже было. Что именно спровоцировало это ощущение — кондитерские запахи, баночки с какао, шоколадные обертки, кто-то из персонала, Аленочкин не понимал. «Дежавю, бывает», — уговаривал он себя. Однако уже точно знал — пока не поймет причины, не успокоится. Свойство природы, тут уж ничего не поделаешь. Однако фабрику Вячеслав покинул, так ничего и не вспомнив.

* * *

В тот же вечер, сидя в своем кабинете, Аленочкин подводил итоги рабочего дня. Такова была одна из полезных привычек, выработанных за последние

годы: сесть, расслабиться, спокойно все проанализировать.

Ритуал требовал расположиться почти горизонтально в удобном кожаном кресле, устроить ноги на краю большого рабочего стола, попросить секретаря принести чашку горячего чая и взять в руки деревянную фигурку неведомого божества. Искусно сделанный неизвестными умельцами деревянный идол, единственная память о погибшем школьном товарище, уже много лет обитал на его письменном столе.

И если кресло способствовало релаксации уставшего тела, чай бодрил и стимулировал мыслительный процесс, то фигурка помогала ему концентрироваться. Когда он перекачивал ее между ладоней, она издавала приятный монотонный шелестящий звук. Звук напоминал шуршание волн, набегающих на морской берег, и производил на Аленочкина почти гипнотическое воздействие. Кроме того, он считал ее своим талисманом, приносящим удачу и счастье.

Вот и сейчас он медленно потряхивал в руке приятную на ощупь деревянную фигурку, прикрыв глаза и пытаясь сосредоточиться на решении непростой проблемы инвестиций в угольную отрасль. Прежде чем погрузиться в расчеты, он попытался представить себе, как там, внутри деревянной фигурки, перекачиваются то ли камешки, то ли мелкий песок, образуя волшебные звуки морского прибора...

И вот тут, совершенно неожиданно, его осенило. Почему камешки, какой песок?! Он же совершенно точно знал, что там, внутри. Ведь сразу после смерти Васи Юганова он тщательно исследовал

довал оставленную другом странную деревянную фигурку. Обнаружил, что она разбирается на две неравные части, внутри полая, и заполнена... Ну конечно! Сложилась картинка, полдня не дававшая Аленочкину покоя и к угольной отрасли не имеющая никакого отношения. Вот оно, его «дежавю»! Сегодня он держал в руках банку с такими же зернами, какие были внутри его талисмана. Или очень похожими. Он открывал фигурку идола лишь один раз, боясь, что может сломать или испортить ее. Он не знал, как выглядят какао-бобы, и в тот раз просто не понял, что перед ним. А теперь — понял.

Осторожно, чтобы не повредить старинную вещь, Аленочкин повернул верхнюю часть деревянного туловища против часовой стрелки и аккуратно разъял фигурку на две части. Затем высыпал ее содержимое на предварительно расстеленный на столе лист бумаги.

Похоже было, что Вячеслав не ошибся — внутри находилась весьма приличная горсть зерен, очень похожих на те, которые ему сегодня демонстрировали на кондитерской фабрике.

Глава 4

ДЕТСТВО, ОТРОЧЕСТВО И ЮНОСТЬ

БИЗНЕСМЕНА АЛЕНОЧКИНА.

ЗАГАДКА ДРЕВНЕГО БОЖЕСТВА.

ЭТОТ СЛАДКИЙ, СЛАДКИЙ БИЗНЕС

Тогда еще школьник Слава Аленочкин учился в десятом классе самой обычной московской средней школы. Вообще Слава принадлежал к тому счастливому типу парней, которые успевают хоро-

шо учиться, принимать участие в общественной жизни школы и посещать разнообразные секции. Все предметы — от математики и физики до литературы и английского языка давались ему легко, поэтому проблемы с поступлением в вуз не предвиделось. Кроме того, Слава одинаково легко находил общий язык как с зубрилами-отличниками и маменькиными детками, так и с отчаянной дворовой шпаной. Причем в обеих средах пользовался неизменным и искренним уважением. У первых — за эрудицию, сообразительность и отличную успеваемость, у вторых — за решительность, умение кулаками отстаивать свою правоту и уникальную спортивность, позволявшую Славе быть лидером в любом виде состязаний, будь то футбол, хоккей или волейбол. Мальчики Славу ценили, девочки, разумеется, в него влюблялись.

Но несмотря на обилие приятелей и знакомых, друг у него был один. С Васей Югановым они познакомились, когда им было лет по десять. Незадолго до зимних каникул перед началом урока классная руководительница привела и представила классу худого смуглого и черноволосого паренька. Дружный коллектив, учившийся вместе уже четвертый год, оживился — новенький!

Свободных мест практически не было, поэтому Юганова временно посадили за парту рядом с Алёночкиным, сосед которого, Илюша Розенблат, был в это время болен. Болел Илюша долго, потом поехал лечиться в санаторий, а потом его и вовсе перевели в какую-то спецшколу. В общем, само собой получилось так, что место осталось за Югановым.

Подружились они сразу, вероятно, потому, что были очень непохожи. Заводной и открытый Сла-

ва источал энергию постоянно и в больших количествах. Молчаливый, немного замкнутый Вася словно копил в себе энергию для рывка. Но зато рывок этот был молниеносный и очень эффективный. Особенно сдружили их занятия в детско-юношеской футбольной школе «Динамо», куда они попали после очень придиричивого отбора. Через три года они имели устоявшуюся репутацию перспективных юных дарований, тренеры прочили им чемпионское будущее. Но в какой-то момент Славе наскучил футбол, и он там же, на «Динамо», перешел в школу самбо, решив попробовать свои силы на борцовском ковре. Юганов футболу не изменил, но дружба не прервалась, и они почти все свободное время по-прежнему проводили вместе: во дворе, у приятелей, дома у Славы. К себе домой Васька никого не приглашал да и сам старался при первой возможности улизнуть из квартиры. Алечкин был единственным из ребят, кто знал причины такого поведения друга.

Отца Васька почти не помнил, знал о нем в основном по рассказам матери. Это был человек необычной судьбы, испанский мальчик, родители которого погибли, защищая Мадрид от наступающих войск франкистов. Его ребенком вывезли в СССР, и он воспитывался в детском доме, получив новые, русские, имя и фамилию.

Юганов-старший пропал, когда Ваське было четыре года. Ушел на работу — и не вернулся. Он был инженером в каком-то оборонном институте, поэтому его исчезновением занималась не только милиция, но и КГБ. Однако безрезультатно — человек как в воду канул.

Васькина мать, Наталья Сергеевна, после случившегося замкнулась в себе, сыном занималась мало, все искала утешения в работе. Потом стала выпивать, все больше и больше. Затем выхлопотала себе пенсию по инвалидности, и к тому времени, как ребята перешли в старшие классы, это уже была совершенно седая и спившаяся старуха, хотя ей было чуть за сорок.

Слава никогда не пытался разговаривать с приятелем о матери, но всегда старался отвлечь его от домашних проблем и помогал, если возникала необходимость. Они отвозили ее в больницы во время приступов, несколько раз разыскивали по всему району, так как Наталья Сергеевна вдруг исчезала из дома неизвестно куда.

В десятом классе пришлось задуматься, что делать дальше. Слава в принципе свой выбор сделал немного раньше — вот уже год он посещал курсы при МГУ, имея твердое намерение стать студентом географического факультета. Ему казалось, что так сбудутся мечты о путешествиях и приключениях, он объездит все страны, увидит древние города, загадочные племена, неизведанные земли.

Васька, казалось, ни о чем серьезно не помышлял. Когда заходили разговоры о том, что же делать после окончания школы, он шаблонно отвечал, что, наверное, пойдет в институт физкультуры, куда настойчиво рекомендовал поступать его футбольный тренер.

До выпускных экзаменов оставалось меньше месяца, когда в один прекрасный день после уроков Вася вдруг спросил:

— Слушай, ты не считаешь меня сумасшедшим?

— А ты с ума сошел? — усмехнулся Слава, но, увидев совершенно серьезные глаза друга, сменил тон: — Конечно, нет. Что с тобой? Что-то случилось?

— Случилось. Не поверишь, тут такое дело — вчера иду с тренировки. У подъезда толкуются мужики, трое. Лица странные — темные такие, очень загорелые. По виду — иностранцы, куртки клевые, с бахромой. Штаны кожаные. Как в этих фильмах про индейцев.

— С Гойко Митичем?

— Ага. Короче, иду мимо, а они ко мне — сначала руки протягивали, а потом на колени — раз, и встали.

— А ты?

— Что я? Стою, как идиот, не знаю, как быть. И главное — бабки тут же на лавочке сидят, глязют, уже пальцами стали тыкать. Сейчас, думаю, они милицию вызовут. Я — в подъезд, а эти вскочили — и за мной. Короче, приперли они меня к двери квартиры. Думаю — все, дальше не пойду, пусть делают, что хотят. А они опять на колени, и один протягивает мне какую-то штуку деревянную. Я отталкиваю, а он мне снова сует. И говорит что-то, вроде по-русски, только плохо очень.

— Может, надо было милицию вызвать? — перебил Слава, с тревогой слушавший странный рассказ.

— Да они вроде мирные были, драться не лезли. И не пьяные.

— Ну а дальше что?

— Вот. Стал я прислушиваться, о чем он там лопочет. А он что-то вроде того говорил, что я единственный потомок какого-то вождя из Мексики,

или племени. Что мои предки были вывезены в Испанию, а я теперь должен получить из их рук наследие и хранить его.

— Наследие? Сокровища? — оживился Слава, мигом представив вероятную перспективу поиска сокровищ.

— Какие сокровища?! Я только понял, что теперь должен всю жизнь хранить священный предмет, куда жрецы племени поместили зло.

— Чего поместили?

— Какое-то зло. Я ничего не понял.

— И что дальше?

— Они сунули мне в руку эту штуковину. Еще сказали, что я должен его оберегать.

— Кого оберегать?

— Зло. Или штуку эту. Говорю же — не понял, он еле-еле по-русски говорил. Что-то еще про чужаков, которые пришли на их земли и могут нарушить гармонию. Потребовали, чтобы я обещал. Я и обещал. А что оставалось делать? Потом сразу в квартиру — ведь страшно было, вдруг соседи выйдут?

Поздно вечером того же дня Васька пришел домой к другу и принес странный предмет, который ему оставили незнакомцы. Это была мастерски вырезанная из дерева фигурка, по всей видимости, какого-то божества. Внутри нее что-то гремело и перекатывалось.

— Погремушка! — вынес приговор Слава. — Давай посмотрим, что там такое внутри.

— Да ну ее к черту, — мрачно заметил Васька. — Мне же сказали, что там — зло. Его выпускать наружу нельзя.

— Да брось. Сказки какие-то!

Тем не менее в этот день ничего трогать ребята не стали, и Васька ушел, оставив неизвестное божество у друга. А на следующий день произошла трагедия.

Как рассказывал потом Славе их участковый, Наталья Сергеевна после очень долгого перерыва вдруг ночью решила закурить. И уснула с зажженной сигаретой. Пожарные не успели спасти ни ее, ни сына.

Деревянная фигурка неизвестного божества осталась у Славы как память о лучшем его друге.

* * *

Для полной уверенности Аленочкин уже на следующий день отправил несколько найденных им зерен в фабричную лабораторию на анализ. Хотелось убедиться, насколько он прав в своих предположениях. Не более того. Конечно, это была блажь — какао-бобы или нет, какая в принципе разница? Допустим, специалисты доложат ему, что это какао, сорт такой-то, растет там-то. А дальше что? Скорее всего, сорт растет там, где проживал тот умелец, что изготовил фигурку. Допустим, там жили и те похожие на индейцев гости, которые приезжали к его погибшему другу. И узнает Аленочкин, откуда вел свою родословную Вася Юганов, если только те люди говорили правду и не были сумасшедшими. Только вот Васе это уже все равно.

Через несколько дней на стол Аленочкина, за текучкой успевшего подзабыть эту историю, лег отчет специалистов. Занятый более важными делами,

он отложил чтение документа на вечер, когда будет поспокойнее.

Но прочитав отчет, не поверил своим глазам. Сделал это еще раз и молча уставился в пространство. Такого, честно говоря, новый владелец кондитерской фабрики не ожидал.

В бумаге, присланной ему заведующим лабораторией, говорилось, что на анализ были представлены именно какао-бобы. Установлено, что они обладают рядом уникальных свойств, которые позволяют выделить их в особый, официально не зарегистрированный сорт.

Но и это не главное. В какао-бобах, извлеченных из деревянного божества, обнаружены следы неидентифицированных веществ, способных, по всей вероятности, оказывать на человеческий организм воздействие, сходное с воздействием антидепрессантов.

Аленочкин захотел прояснить ситуацию и немедленно позвонил в лабораторию. Заведующий, лично занимавшийся конфиденциальным поручением, долго, путано и с ненужными подробностями принялся рассказывать ему о проведенных исследованиях.

Любящий конкретику Вячеслав прервал его на полуслове и попросил вкратце объяснить ему, каким именно действием обладают бобы этого нового сорта.

— Какао-бобы, — вежливо поправил его собеседник.

— Плевать. Пусть какао-бобы. В двух словах можете сказать?

— К сожалению, нет. Чтобы ответить на этот